

Прививка счастьем

БРАВО, ТУМАНИШВИЛИ!

Наталья КАМИНСКАЯ

С какими только чувствами не уходил из театрального зала! То завенду энергией, то сокрушен агрессией, то поражен спецэффектами, то сражен великолепием костюмов. Это все — впечатления, но быстро проходящие, как мгновенная сытость от гамбургера.

В наши с вами времена редко видишь на сцене нечто цельное, с биографией, с давним внутренним контактом всех участников, с объединяющим людей по обе стороны рампы чувством. С атмосферой. «Дайте мне атмосферы!» — восклицала по другому поводу одна малосимпатичная чеховская героиня. Но в нынешнем театре частенько хочется возопить нечто в этом роде.

Три вечера с Тбилисским театром киноактера имени Михаила Туманишвили оставили чувство легкого опьянения. Так бывает после праздника, где главное — не количество бутылок, а качество вина. «Театральное вино» Туманишвили — выдержанное, но не крепкое, вкусное, но не сладкое. Одним словом, настоящее.

Следуя гастрономическому ходу мыслей, представим ломящийся от яств стол, который на последние деньги накрыл для сельского начальства бедняк Галактион («Свиньи Бакулы» Д.Клдиашвили). Дурное застолье, ибо оно замешено на социальном неравенстве участников, на глупой корысти и фальши, стремительно катится с свинству. Спавший с лица хозяин (Р.Иоселиани), зачумленная хозяйка (М.Арабули), негодная тетка (Д.Джоджуа), не допущенная к столу и поедающая куски в углу... Д.Клдиашвили иногда называют грузинским Чеховым. Его исследования нравов горьки и беспощадны. Но в спектакле начисто отсутствует злость. Вместо этого точнейшие психологические зарисовки, яркими бусинами нанизанные на прочную театральную нить.

Образы рождаются из безграничных актерских умений, остальное дорисовывает разбуженное воображение.

Бездарная пьянка в момент своего апогея подвергается нашествию соседских свиней, почужавших еду. На сцене — переполох. Люди лезут под столы, и внезапно проползают на четвереньках вусмерть пьяные именитые гости. Мелькает рука — импровизированный хвостик-завиток, гость (З.Кипшидзе) трется о плетень и с размаху заваливается на бок. Свинство в каком хитре смысле (прямом, переносном, конкретном или общем) сыграно с обезоруживающей простотой и мощью театра. Причем слово «мощь» подразумевает здесь — «могут». Артисты Туманишвили могут поразительно многое. Годами он приучал их к тому, что в театре годится все: и страсти в ключья, и легкие розыгрыши, и парча, и мешковина, и колонна, и

веревочка. Все — кроме скучного, невыразительного, злобного и враждебного. Так создавалась атмосфера, так ткалась эта ткань — необыкновенно прочная, но при этом прозрачная, кружевная.

Шекспировский «Сон в летнюю ночь» репетировали в зимнюю темень, когда Тбилиси не отапливался, не освещался и гулял под тяжестью дурных политических событий. На сцене же звенит нежный, прозрачный лес (художник Г.Мехишвили), озоруют домашние духи в цветочках и ягодках, а молодые любовники разгуливают, как в Рио-де-Жанейро, в белых штанах.

Под музыку Мендельсона и Бриттена артисты пропевают (они и впрямь много и замечательно поют) волшебную историю любви. Они смешны, вздорны и беззащитны — Елена (Р.Болквадзе), Гермия (Э.Хеидзе), Деметрий (Г.Абесалашвили), Лизандр (Г.Пипинашвили). А король фей Оберон (З.Микашавидзе) гораздо легче управляется с волшебным соком, чем с собственными страстями. А ремесленники, взявшиеся играть спектакль для хозяев, — замечательные артисты и играют интермедию «Пирам и Фисба» с той степенью наива, без которой на самом деле в профессиональном театре делать нечего. Основа — Пирам у Г.Маргвелашвили благороден, как шекспировский герцог. А Фисба (К.Лекишвили) в классических объемах Фальстафа или Санчо Пансы нежен, как крупная роза.

Был еще «Наш городок» Т.Уайлдера в транскрипции Р.Габриадзе — спектакль, который не раз показывали в Москве и в который успели влюбиться столичные театралы. Спектакль, придуманный в лучшие годы театра и соединивший в себе главные принципы режиссера Туманишвили. И снова артист Г.Гегечкори вводил нас в мир захолустного городка, где в тягучей неспешности дней острее проступал вкус жизни и горче отзывалась смерть.

Впрочем, что зритель до обстоятельств, в которых творил художник? Важно, что атмосфера легкости и счастья не исчезла с подмостков этого театра. Это — генетический код учителя, собравшего под крышу своих учеников. Учителя уже нет в живых. Но прививка театральным счастьем продолжает действовать.

ФОТО Н.САМОИЛОВА

Сцена из спектакля «Сон в летнюю ночь»